

САКРО-МОНТЕ. Здесь, по преданию, в средние века был сожжен покровитель Гранады — святой Сесилио. На месте том воздвигнута часовня. Отсюда и название Сакро-Монте — Святая гора.

Четыреста лет назад по приказу католической королевы Изабеллы здесь, за городской чертой, было милостивейше разрешено селиться цыганским племенам. Это единственное место в мире, где вот уже пятый век подряд цыгане живут оседло.

Снизу из центра города серый склон Сакро-Монте напоминает скопище кротовых нор. Попасть туда можно, вскарабкавшись вверх по узким улочкам-щелям Альбайсина — района бедняков. Пересекая границу Сакро-Монте, не сразу замечаешь, что вокруг тебя дома, у которых только фасад, как у настоящих домов, а сами они целиком в горе — попросту пещеры.

— Хотите побывать в настоящей цыганской пещере? — дорогу преграждает смуглый кудрявый парень. — Идемте, за это денег платить не надо.

Не успеваем опомниться, как мы уже внутри полукруглой пещеры, что, как диковинная елка, увешена блестящими медными ложками, половниками, плошками.

— Хотите посмотреть настоящее цыганское представление? Цыганские песни и пляски и стакан хорошего вина — всего за пятьдесят песет... — И, не дожидаясь ответа, все многочисленное семейство на глазах начинает облачаться в широкие пестрые юбки с оборками. Звякает бубен, трещат кастаньеты.

Круглая, как туго надутый шар, хозяйка пещеры, поспешно натягивая волочащуюся следом юбку, мчит к соседям за вином, выплескивая на ходу из бутылки остатки ее содержимого.

Подерек входа в пещеру прочно усаживается на табурете крепкий усатый старик: ни один из попавших в сети гостей не улизнет, не заплатив за представление.

А на большой открытой террасе перед соседней пещерой — весь «свет» Сакро-Монте. Толстые цыганки, сбившись в кружок, громогласно обсуждают домашние дела. Пареньки в пегольских рубахах в горах брэнчат струнами гитар. Точеные, затянута в каскад такого же яркого гороха юные красавицы выжидающе глядят на дорогу.

И вдруг, точно ураган, пронесится по террасе: «Едут!» Разбегаются, растаскивая за собой стулья, соседки. Расправляют пышные юбки красавицы.

По улочке ползет вверх вереница больших черных лимузинов. Чопорную, богато одетую публику, громко извещающуюся на английском, торжественно увозят в пещеру. Это о них Лорка сказал когда-то: «Для больших караванов крикливых туристов и любителей кабаке и больших отелей, для этих фривольных групп, которые люди Альбайсина называют «дяденьки туристы», для этих не открывается душа города...»

И потому для самого поэта она распахнулась до сокровенных глубин, что не экзотикой, не яркой приманкой, а просто частью любимого им андалусского народа — самой поэтичной, самой вольной и самой обделенной — были для него переселившиеся в его поэзию из пещер Сакро-Монте цыгане: «Меня раздражает миф о моем бродяжничестве, — жаловался он в одном из писем. — Путают мою жизнь и мой характер. Не хочу этого ни в коем случае. Цыгане — это тема. И ничего больше...».

СНАЧАЛА был крик, гортанный, клокоющий — из недр отчаяния немислимой глубины. Как спущенная с тетивы стрела, он пронесся сквозь ночь над зубчатыми башнями, двориками и шатрами мавританского дворца, над замороженной гладью воды. Тревожным трепетом отозвался в рядах зрителей, расположившихся вокруг гигантского прямоугольника водоема во внутреннем дворе Альамбры... «Жуткий крик, который делит мир на два идеальных полушария, это крик ушедших поколений,

земли, а на подмостки кабаке и баров выплеснулась лихая «испанщина», молодой андалусский парень с широким крестьянским лицом и глазами, замороженными мечтой, отправился пешком по Андалусии на поиски народной песни. Он открывал ее и сам погибал в ней, как бабочка, оборачиваясь в драгоценные нити поэзии. «Нельзя допустить, чтобы самые глубокие и волнующие песни нашей таинственной души обывали блатаганными, грязными; нельзя допустить, чтобы нить, связывающая нас с загадоч-

Волна вздоха пронесится по рядам: «Оле!» От задних, плотно занятых молодежью, к передним, где дамы, изящные и яркие, как драгоценные бабочки: «Оле! Оле!» Певца не отпускают, хотя его уже нет, он пуст, струйки пота бороздят широкое невидящее лицо. «Сигория» — как кислота, она обжигает сердце, горло и губы того, кто ее поет», — говорил Лорка. Почти все великие исполнители канте-хондо умерли от разрыва сердца — оно лопалось у них, как у огромных цапк, после того как они наполнили атмосферу дивными ритмами...
Пустеют ряды стульев вокруг водоема, полное звезд. Тревожно и принопахнут кусты ночного самшита.

В ПОИСКАХ ЛОРКИ

ИСПАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ

Марьяна Пинеда.

Дом «Сан-Висенте».

Фото А. НИКОЛАЕВА.

Именно в этой теме особенно остро вылилась ненависть Лорки к насилию, к власти тупой и жестокой. Но это была не громовая ненависть труб и литавр. «Когда он хочет карать и поднимает меч, меж пальцев его руки вдруг оказывается раненый голубь», — так Лорка сказал как-то, представляя Пабло Неруду. Нельзя точнее сказать и о нем самом. Меч Лорки — это и пронзительная грусть его поэм, и светлый апофеоз героизму Марьяны Пинеда, и вулканическое сплетение человеческих страданий в «Поэте в Нью-Йорке». И над всем этим — вольнолюбивый «звонкий цыганский город», павший от карабинов и сабель зловещих жандармов — «их кони черным-черны, и черен их шаг печатный...» «Романс об испанской жандармерии» был предчувствием взлета и трагедии Республиканской Испании. И десять лет спустя сражающийся за республику народ воспринял его, как революционную песню...

...Крутые тропинки и шаткие ступени громоздятся все выше. Верхние ярусы пещер уже без городского фасада и парадного входа — их замечает занавеска из мешковины. И отовсюду высовываются, машут руками, орут, приглашая зайти, купить, обменять, подарить, погадать неугомонные жители пещер Сакро-Монте.

острая тоска по исчезнувшему эпохам, страстное воспоминание о любви под другой луной и другим ветром», — писал Лорка.

Перед массивными и глухими, как вечность, воротами в таинственных письменах сидят два человека. Один припал к гитаре. Второй — коренастый и крепкий, с лицом простолоудина. Большие руки прочно лежат на расставленных коленях. Голова опущена. По гитаре пробегает дрожь, нервная, сухая. Человек поднимает лицо. Оно плотно запахнуто, веки смежены. Руки, как в восточной молитве, сложены перед грудью. Дрожь гитары выливается в каскад клокоющих слез. Широкие ладони начинают отстукивать их горячий перебивчатый ритм. И в ночь уносятся надрывные потоки голоса, вибрирующего, извергающего суески тоски. Так вот он какой, знаменитый канте-хондо: любовь, тоска, ужас смерти.

«Он пришел к нам от древних народов, пробившись через забвение веков и сопротивление ветров. Он пришел к нам от первого плача и от первого пополуя», — так писал о нем Лорка. — «Мы, андалусцы, редко замечаем «средние тона». Андалусец либо шлет гордый вызов звездам, либо целует рыжую пыль своих дорог».

Полвека назад, когда сокровище Андалусии — песня-ритуал канте-хондо, как воды родника, ушла в глубь

Восток, была натянута на гриф кабацкой гитары...», — горячо взывал он к своим соотечественникам.

И вот, ровно пятьдесят лет назад, 14 июля 1922 года Гранада стала свидетелем первого фестиваля народной андалусской песни. Его организаторами были Гарсиа Лорка и композитор Мануэль де Фалья. С тех пор трагический плач канте-хондо ежегодно пререзает гранадскую ночь. Как почему же ни слова благодарности тому, кто по капле собрал и спас сокровище андалусских песен? Ни слова памяти о великом поэте? Почему молчит Гранада о Лорке?!

Певец поднимается на ноги, впервые за весь концерт, делает шаг к людям и глухо и взыловоанно говорит о том, что счастлив, что поет в Андалусии, на родине канте-хондо, родине великих испанских поэтов. И сейчас он исполнит романс на слова одного из них — Хуана Рамона Хименеса.

Теперь он поет стоя, руки раскрыты навстречу людям, лицо пылает. А голос рыдает о том, кто навсегда ушел, ушел, оставив нам свое горячее сердце и свою поэзию.

И пусть не названо имя. Она о нем — эта песня. О самом светлом и трагическом поэте Испании, который, по словам того же Хуана Рамона Хименеса, «как мотылек, ударился о ветровое стекло... в ночи, опустившейся над Гранадой».

Город обрывается неожиданно. В пяти минутах ходьбы от мраморно-зеркальных витрин начинаются крестьянские домики в цветниках и виноградниках. И зеленые поля во все стороны, до горизонта, где сверкающим исполином покоится в солнечном мареве Сьерра-Невада.

— Как пройти к дому «Сан-Висенте»? Сухой старик, копающийся в огороде, приподнимает шляпу: — «Сан-Висенте»? Идите напрямик, через поле манса. — Вы ищите дом Гарсиа Лорки? Вздрагиваем. В дверном проеме — молодой неулыбчивый человек: — Вон он вдали, за высокими кипарисами. ...Белый двухэтажный дом с ярко-зелеными ставнями и решетками. Кипарисы вокруг, как стражи. Открытая солнцу терраса на крыше.

Если умру — Оставьте балкон открытым. Ребенок жует апельсин (С балкона я вижу). Жнец убирает колосья (С балкона я слышу).

Если умру — Оставьте балкон открытым. Тишина. Ни звука. Дверь на балконе приоткрыта. Слегка отодвинута занавеска на окне. Ни души. Солнце в полуденной дреме. Где-то хлопает глухо от порыва ветра с гор ставня. И опять тихо.

Когда умру. буду я ветряком на крыше, на ветру. Тише... когда умру! Тихо уходим по длинной аллее из тяжелых перевернутых роз. Старуха в черном выходит из соседней домика на залитую солнцем дорогу. Напряженно и долго смотрит нам вслед из-под руки.

И. ХУЗЕМИ. Мадрид — Гранада — Москва.

* Окончание. Начало см. в «Комсомольской правде» за 1 августа.